

В. Г. Белинский

**Герой нашего времени.
Сочинение М. Лермонтова.
Издание второе**

Виссарион Григорьевич Белинский

**Герой нашего времени.
Сочинение М. Лермонтова.
Издание второе**

«Давно ли приветствовали мы первое издание «Героя нашего времени» большою критическою статьею и, полные гордых, величавых и сладостных надежд, со всем жаром убеждения, основанного на сознании, указывали русской публике на Лермонтова, как на великого поэта в будущем, смотрели на него, как на преемника Пушкина в настоящем!.. И вот проходит не более года, – мы встречаем новое издание «Героя нашего времени» горькими слезами о невозвратимой утрате, которую понесла осиротелая русская литература в лице Лермонтова!.. Несмотря на общее, единодушное внимание, с каким приняты были его первые опыты, несмотря на какое-то безусловное ожидание от него чего-то великого, – наши восторженные похвалы и радостные приветы новому светилу поэзии для многих благоразумных людей казались преувеличенными...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Герой нашего времени.
Сочинение М. Лермонтова.
Второе издание**

*ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Сочинение
М. Лермонтова. Издание второе.
Санкт-Петербург. В типографии Ильи
Глазунова и К°. 1841. Две части. В 12-ю
д. л. В I-й части VI и 250, во II-й – 173
стр.*

Давно ли приветствовали мы первое издание «Героя нашего времени» большою критическою статьею[1] и, полные гордых, величавых и сладостных надежд, со всем жаром убеждения, основанного на сознании, указывали русской публике на Лермонтова, как на великого поэта в будущем, смотрели на него, как на преемника Пушкина в настоящем!.. И вот проходит не более года, – мы встречаем новое издание «Героя нашего времени» горькими слезами о невозвратимой утрате, которую понесла осиротелая русская литература в лице Лермонтова!..[2] Несмотря на общее, единодушное внимание, с каким приняты были его первые опыты, несмотря на какое-то безусловное ожидание от него чего-то великого, – наши восторженные похвалы и радостные приветы новому светилу поэзии для многих благоразумных людей казались преувеличенными...[3] Слава их благоразумию, так много теперь выигравшему, и горе нам, так много утратившим!.. В сознании великой, вознаградимой утраты, в полноте едкого, грустного чувства, отравляющего сердце, мы готовы великодушно увеличить

торжество осторожного в своих приговорах сомнения и охотно сознаться, что, говоря так много о Лермонтове, мы видели более будущего, нежели настоящего Лермонтова, – видели Алкида, в колыбели удушающего змей зависти, но еще не Алкида, сражающего ужасною палицею лернейскую гидру...[4] Да, все написанное Лермонтовым еще недостаточно для упрочения колоссальной славы и более значительно как предвестие будущего, а не как что-нибудь положительно и безотносительно великое, хотя и само по себе все это составляет важный и примечательный факт, решительно выходящий из круга обыкновенного. Первые лирические пьесы: «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник», еще не могли составить славы Пушкина как великого мирового поэта; но в них уже виделся будущий создатель «Цыган», «Онегина», «Бориса Годунова», «Моцарта и Сальери», «Скупого рыцаря», «Русалки», «Каменного гостя» и других великих поэм... Толпа судит и делает свои приговоры задним числом; она говорит, когда уже не боится проговориться. Толпа идет ощупью и о твердости встреченного ею пред-

мета судит по силе толчка, с которым наткнулась на него. Оставляя за толпою право видеть вещи не иначе, как оборачиваясь назад, не будем отнимать права у людей заглядывать вперед и – по настоящему предсказывать о будущем... Всякому свое: толпе кричать, людям мыслить... Пусть же кричит она, а мы снова повторим: новая, великая утрата осиротила бедную русскую литературу!..

Самые первые произведения Лермонтова были ознаменованы печатаю какой-то особенностью: они не походили ни на что, являвшееся до Пушкина и после Пушкина[5]. Трудно было выразить словом, что в них было особенного, отличавшего их даже от явлений, которые носили на себе отблеск истинного и замечательного таланта. Тут было все – и самобытная, живая мысль, одушевлявшая обаятельно прекрасную форму, как теплая кровь одушевляет молодой организм и ярким, свежим румянцем проступает на ланитах юной красоты; тут была и какая-то мощь, горделиво владевшая собою и свободно подчинявшая идее свои порывы; тут была и эта оригинальность, которая, в простоте и

естественности, открывает собою новые, Дотоле невиданные миры и которая есть достоинство одних гениев; тут было много чего-то столь индивидуального, столь тесно соединенного с личностью творца, – много такого, что мы не можем иначе охарактеризовать, как назвавши «лермонтовским элементом»... Какой избыток силы, какое разнообразие идей и образов, чувств и картин! Какое сильное слияние энергии и грации, глубины и легкости, возвышенности и простоты! Читая всякую строку, вышедшую из-под пера Лермонтова, будто слушаешь музыкальные аккорды и в то же время следишь взором за потрясенными струнами, с которых сорваны они рукою невидимою... Тут, кажется, сопричастуешь духом таинству мысли, рождающейся из ощущения, как рождается бабочка из некрасивой личинки... Тут нет лишнего слова, не только лишней страницы: все на месте, все необходимо, потому что все перечувствовано прежде, чем сказано, все видно прежде, чем положено на картину... Нет ложных чувств, ошибочных образов, натянутого восторга: все свободно, без усилия, то бурным потоком, то

светлым ручьем, излилось на бумагу... Быстрота и разнообразие ощущений покорены единству мысли; волнение и борьба противоположных элементов послушно сливаются в одну гармонию, как разнообразие музыкальных инструментов в оркестре, послушных волшебному жезлу капельмейстера... Но, главное – все это блещет своими, незаимствованными красками, все дышит самобытной и творческой мыслью, все образует новый, до толе невиданный мир... Только дикие невежды, черствые педанты, которые за буквою не видят мысли и случайную внешность всегда принимают за внутреннее сходство, только эти честные и добрые витязи букварей и фолиантов могли бы находить в самобытных вдохновениях Лермонтова подражания не только Пушкину или Жуковскому, но и гг. Бенедиктову и Якубовичу...[6]

Повторяем: небольшая книжка стихотворений Лермонтова[7], конечно, не есть колоссальный монумент поэтической славы; но она есть живое, говорящее прорицание великой поэтической славы. Это еще не симфония, а только пробные аккорды, но аккорды, взя-

тые рукою юного Бетховена... Просвещенный иностранец, знакомый с русским языком, прочитав стихотворения Лермонтова, не увидел бы в их малочисленности богатства русской литературы, но изумился бы силе русской фантазии, даровитости русской натуры... Некоторые из них законно могли бы явиться в свет с подписью имени Пушкина и других величайших мастеров поэзии... «Герой нашего времени» обнаружил в Лермонтове такого же великого поэта в прозе, как и в стихах[8]. Этот роман был книгою, вполне оправдывавшею свое название. В ней автор является решателем важных современных вопросов. Его Печорин – как современное лицо – Онегин нашего времени. Обыкновенно наши поэты жалуются, – может быть, и не без основания, – на скудость поэтических элементов в жизни русского общества; но Лермонтов в своем «Герое» умел и из этой бесплодной почвы извлечь богатую поэтическую жатву. Не составляя целого, в строгом художественном смысле, почти все эпизоды его романа образуют собою очаровательные поэтические миры. «Бэла» и «Тамань» в особенности могут счи-

таться одними из драгоценнейших жемчужин русской поэзии; а в них еще остается столько дивных подробностей и картин, в которых с такою отчетливостью обрисовано типическое лицо Максима Максимыча! «Княжна Мери» менее удовлетворяет в смысле объективной художественности. Решая слишком близкие сердцу своему вопросы, автор не совсем успел освободиться от них и, так сказать, нередко в них путался; но это дает повести новый интерес и новую прелесть, как самый животрепещущий вопрос современности, для удовлетворительного решения которого нужен был великий перелом в жизни автора... Но увы! этой жизни суждено было проблеснуть блестящим метеором, оставить после себя длинную струю света и благоухания и – исчезнуть во всей красе своей...

*Прекрасное погибло в пышном
цвете...*

Таков удел прекрасного на свете!

*Губителем неслышным и незри-
мым,*

*Во всех путях беда нас сторожит,
Приюта нет главам, равно грози-*

*мым;
Где не была, там будет и сразит.
Вотще дерзать в борьбу с необходи-
мым:
Житейского никто не победит.
Гнетомы все единой грозной си-
лой.
Нам всем сказать о здешнем сча-
стье: «было!»[9]*

Как все великие таланты, Лермонтов в высшей степени обладал тем, что называется «слогод». Слог отнюдь не есть простое умение писать грамматически правильно, гладко и складно, – умение, которое часто дается и бес-талантности. Под «слогод» мы разумеем непосредственное, данное природою умение писателя употреблять слова в их настоящем значении, выражаясь сжато, высказывать много, быть кратким в многословии и плодo-витым в краткости, тесно сливать идею с формою и на все налагать оригинальную, само-бытную печать своей личности, своего духа. Предисловие Лермонтова ко второму изда-нию «Героя нашего времени» может служить лучшим примером того, что Значит «иметь слог». Выписываем это предисловие:

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям нет дела до нравственной Цели и до журнальных нападков, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое к тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы.

Эта книжка испытала на себе еще недавно

несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись – и не шутя, – что им ставят в пример такого безнравственного человека, как герой нашего времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

«Герой нашего времени», милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романических злодеев, – отчего же вы не верите в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не на-

ходит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сладостями, у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить – это уж бог знает! [10]

Какая точность и определенность в каждом слове, как на месте и как незаменимо другим каждое слово! Какая сжатость, краткость и вместе с тем многозначительность! Читая строки, читаешь и между строками; понимаешь ясно все сказанное автором, понимаешь еще и то, чего он не хотел говорить, опасаясь быть многоречивым. Как образны и оригинальны его фразы: каждая из них годит-

ся быть эпиграфом к большому сочинению. Конечно, это «слог», или мы не знаем, что такое «слог»...

Немного стихотворений осталось после Лермонтова. Найдется пьес десяток первых его опытов, кроме большой его поэмы – «Демон»; пьес пять новых, которые подарил он редактору «Отечественных записок» перед отъездом своим на Кавказ... Наследие не огромное, но драгоценное! «Отечественные записки» почтут священным долгом скоро поделиться ими с своими читателями. Лермонтов немного написал – бесконечно меньше того, сколько позволял ему его громадный талант[11]. Беспечный характер, пылкая молодость, жадная впечатлений бытия, самый род жизни, – отвлекали его от мирных кабинетных занятий, от уединенной думы, столь любезной музам; но уже кипучая натура его начала устаиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее стал вглядываться в глубь жизни. Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романическую трилогию,

три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени)[12], имеющие между собою связь и некоторое единство, по примеру куперовской тетралогии, начинающейся «Последним из могикан», продолжающейся «Путеводителем в пустыне» и «Пионерами» и оканчивающейся «Степями»...[13] как вдруг

*Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре!
Потух огонь на алтаре!..[14]*

Нельзя без печального содрогания сердца читать этих строк» которыми оканчивается в 63 № «Одесского вестника» статья г. Андреевского «Пятигорск»: «15 июля, около 5-ти часов вечера, разразилась ужасная буря с молниею и громом: в это самое время, между горами Машукою и Бештау, скончался – лечившийся в Пятигорске М. Ю. Лермонтов. С сокрушением смотрел я на привезенное сюда бездыханное тело поэта»...[15]

Друзья мои, вам жаль поэта:
Во цвете радостных надежд,
Их не свершив еще для света,
Чуть из младенческих одежд,
Увял! Где жаркое волненье,
Где благородное стремленье
И чувств, и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых?
Где бурные любви желанья,
И жажда знаний и труда,
И вы, заветные мечтанья,
Вы, призрак жизни неземной,
Вы, сны поэзии святой?
Быть может, он для блага мира
Иль хоть для славы был рожден;
Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла. Поэта,
Быть может, на ступенях света
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тень,
Быть может, унесла с собою
Святую тайну, и для нас
Погиб животворящий глас,
И за могильною чертою
К ней не домчится глас времен —
Благословения племен! [16]

Примечания

Статью о первом издании романа (1840) см.:
наст. изд., т. 3, с. 78–150.

[^^^]

2

Лермонтов погиб на дуэли 15 июля 1841 г. (по ст. стилю).

[^^^]

Белинский имеет в виду прежде всего Н. А. Полевого, который в статье «Несколько слов касательно приговора русским поэтам и прозаикам в «Отечеств<енных> записках» («Сын отечества», 1840, т. II, с. 663-670) резко полемизировал с высокой оценкой творчества Лермонтова. Белинский отвечал Полевому в статье «Журналистика» (наст. изд., т. 3, с. 415-419). О том, что Лермонтов еще не может претендовать на титул «великого поэта», заявлял О. И. Сенковский (см.: «Библиотека для чтения», 1840, т. XLIII, отд. VI, с. 1-11).

[^^^]

4

Алкид (Геракл) – герой древнегреческой мифологии – еще младенцем задушил двух змей, посланных богиней Герой, чтобы убить его. Уничтожение Лернейской гидры – второй подвиг взрослого Геракла.

[^^^]

Среди первых стихотворений Лермонтова, появившихся в печати, критик особенно выделял «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» («Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1838, № 18, от 30 апреля).

[^^^]

«Черствый педант» – С. П. Шевырев, писавший (в рецензии на «Стихотворения М. Лермонтова»), что в поэзии Лермонтова «вам слышатся попеременно звуки то Жуковского, то Пушкина, то Кирши Данилова, то Бенедиктова; примечается не только в звуках, но и во всем форма их созданий... трудно нам доискаться того, что собственно принадлежит повому поэту...» («Москвитянин», 1841, № 4, с. 527). Отзыв об этой рецензии см. в письме Белинского В. П. Боткину от 9 апреля 1841 г.

[^^^]

Имеется в виду единственный прижизненный поэтический сборник Лермонтова («Стихотворения М. Лермонтова». СПб., 1840); в него вошли 26 стихотворений и две поэмы («Песня про царя Ивана Васильевича...» и «Мцыри»).

[^^^]

См. аналогичный тезис в статье о первом издании романа – наст. изд., т. 3, с. 78–150.

[^^^]

Критик цитирует элегию В. А. Жуковского «На кончину ее величества королевы Виртембергской» (1819).

[^^^]

10

В данной цитате есть небольшая неточность.

[^^^]

Белинский не мог знать, что неопубликованное наследие Лермонтова было весьма значительным – и не только за счет ранних стихотворений. При жизни Лермонтова увидело свет не более 40 его стихотворений, но написано им было около 400. Краевский действительно располагал автографами Лермонтова, и после смерти поэта большинство его неизданных произведений публиковалось в «Отечественных записках», в том числе такие шедевры, как «Парус», «Утес», «Сон» («В полдневный зной в долине Дагестана...»). Краевскому удалось опубликовать лишь отрывки из поэмы «Демон» («Отечественные записки», 1842, № 6); полностью «Демон» был напечатан лишь в 1856 г. в г. Карлсруэ.

[^^^]

Можно предположить, что об этом замысле Лермонтов рассказал Белинскому во время их встречи в Ордонанс-гаузе, приблизительно датируемой 14 апреля 1840 г. (см.: В. А. Мануйлов. Лермонтов и Краевский. – ЛН, т. 45–46, с. 370; об этой встрече Белинский писал В. П. Боткину 16 апреля 1840 г.). П. К. Мартьянов передал рассказ М. П. Глебова о беседе с Лермонтовым по дороге к месту дуэли (Глебов был секундантом Лермонтова). Лермонтов говорил, что «выработал уже план... двух романов: одного из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкой в Вене, и другого – из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране...» (П. К. Мартьянов. Дела и люди века, т. II. СПб., 1893, с. 93–94; о замысле Лермонтова написать роман «из времен Екатерины II, основанный на истинном происшествии», свидетельствует А. М. Мерин-

ский – «М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников», М., «Художественная литература», 1972, с. 133).

[^^^]

Имеется в виду пенталогия Ф. Купера, открывающаяся романом «Зверобой, или Первая тропа войны». Однако критик не подозревал о существовании этого романа, написанного в один год с данной рецензией (1841), а на русский язык переведенного только в 1848 г. Примечательно, что после свидания с Лермонтовым в Ордонанс-гаузе Белинский сообщал В. П. Боткину в письме от 16–21 апреля 1840 г.: «Я был без памяти рад, когда он сказал мне, что Купер выше В<альтера> Скотта... Я давно так думал...» (см. также: Панаев, с. 136–137).

[^^^]

«Евгений Онегин», гл. 6, строфа XXXI.

[^^^]

Обстоятельства гибели Лермонтова являлись запретной темой для русской печати вплоть до 1858 г.

[^^^]

Критик неточно цитирует XXXVI–XXXVII строфы шестой главы «Евгения Онегина». В XXXVI строфе пропущена 11-я строка: «И страх порока и стыда...». В XXXVII строфе 13-я строка читается: «К ней не домчится гимн времен».

[^^^]